

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ СУДОПРОИЗВОДСТВ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И МЕСТО В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В статье предлагается классификация форм судебного контроля за деятельностью на досудебных стадиях уголовного процесса. Рассматривается правовая природа производств по осуществлению судебного контроля на досудебных стадиях и характеристика материально-правовых отношений, лежащих в их основе, функциональная направленность судебной деятельности в ходе реализации судебного контроля. Мотивируется обоснованность включения данных производств в систему уголовного процесса и определяется их место в данной системе.

Институт судебного контроля за действиями и решениями органов расследования и прокуроров не является для уголовного процесса РФ совершенно новым институтом. Уголовно-процессуальное законодательство России к моменту окончания действия УПК РСФСР знало несколько производств, представляющих собой разновидности форм судебного контроля за досудебным производством. К их числу можно было отнести:

- производство по жалобам на применение заключения под стражу в качестве меры пресечения и на продление срока содержания под стражей;

- производство по жалобам на действия и решения органа дознания, следователя или прокурора, связанные с производством обыска, наложением ареста на имущество, приостановлением производства по уголовному делу и продлением срока предварительного расследования. Данное производство не было урегулировано самостоятельно в уголовно-процессуальном законодательстве, оно появилось в соответствии с постановлением № 5–П Конституционного суда от 23 марта 1999 г. «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Моностырского, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью “Моноком”» и осуществлялось в процессуальном порядке, аналогичном тому, что был предусмотрен законодателем для рассмотрения жалоб на арест и продление срока содержания под стражей.

Автор настоящей статьи в свое время уже высказывал мнение относительно правовой природы данных производств, их места в системе уголовного процесса [1]. Рассматривалась эта проблема и другими учеными-процессуалистами [2–4]. Однако в настоящее время в связи с введением в действие УПК РФ в уголовном процессе России появились новые формы реализации судебного контроля за досудебными стадиями производства, а судебный контроль за законностью и обоснованностью ареста, продления срока содержания под стражей, производства обыска приобрел совершенно новый вид, способ реализации. Поэтому сейчас вопрос о сущности, правовой природе различных форм осуществления судебного контроля за действиями, решениями органов расследования и прокурора, судебной защиты конституционных прав и свобод граждан на досудебных стадиях процесса приобретает новое звучание и вновь становится актуальным.

Правомочия суда в области осуществления контроля за деятельностью на досудебных стадиях процесса изложены в ч. 2–3 ст. 29, ч. 5 ст. 165 УПК РФ. В отличие от УПК РСФСР, согласно которому суд мог приступить к проверке законности и обоснованности

действий и решений органа расследования или прокурора только при наличии жалобы заинтересованного лица (что автоматически определяло исключительно последующий характер такой проверки), действующий УПК РФ предусматривает возможности осуществления судебного контроля за досудебным этапом судопроизводства в разнообразных формах.

Эти формы поддаются классификации по различным основаниям. Так Н.Н. Ковтун предложил несколько оснований и несколько вариантов классификации форм реализации процессуального судебного контроля [5. С. 28, 42]. Полагаю, что в зависимости от момента его реализации судебный контроль можно поделить на предшествующий (ч. 2 ст. 29 УПК РФ) и последующий (ст. 125 и ч. 5 ст. 165 УПК РФ). В зависимости от степени правовой свободы участников судопроизводства и других граждан в решении вопроса об обращении к судебному контролю можно, как представляется, выделить статутные формы судебного контроля (например, ст. 104, 108, 109, п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), его диспозитивные формы (в случаях, когда инициатива обращения к суду исходит от участника судопроизводства, например, в случае подачи жалобы на действие (бездействие) и решения органа предварительного расследования или прокурора – ст. 125 УПК РФ), а также частично диспозитивные формы судебного контроля.

К числу статутных форм судебного контроля относятся те, обращение к которым составляет не право, а обязанность участников процесса. Так, только суд может избрать заключение под стражу в качестве меры пресечения, поэтому избрание данной меры пресечения невозможно без предварительной судебной проверки. О понятии статутной формы контроля см. [5. С. 28; 6].

К частично диспозитивным формам судебного контроля возможно отнести, на взгляд автора, те случаи, когда само обращение к судебной процедуре обязательно, но субъект уголовного процесса (следователь, дознаватель) может в зависимости от ситуации выбрать – обратиться ли ему к предшествующему или последующему судебному контролю (чч. 2 и 5 ст. 165 УПК РФ).

Автор считает возможным предложить еще одну классификацию форм судебного контроля – по основанию возможности правового спора между сторонами. С точки зрения данного основания классификации все формы судебного контроля за досудебными стадиями уголовного процесса можно поделить на состязательные (непрерывно протекающие в условиях наличия спора между сторонами, например, в случае подачи жалобы на действия, решения следователя), факультативно состязательные (к числу таковых можно отнести те из них, которые хотя и не требуют для своего начала проявления воли, желания одной из сторон на

обращение к суду за разрешением спора, но предполагают возможность конфликта, правового спора и предоставляют сторонам возможность отстаивать свои позиции – ст. 107–109 УПК РФ) и, наконец, формы контроля, исключающие возможность существования правового спора (ст. 165 УПК РФ).

В последнем случае в судебное заседание по поводу рассмотрения вопроса о возможности проведения следственного действия (или принятия определенного решения), ограничивающего конституционные права и/или свободы лица, или же о законности уже проведенного следственного действия могут быть допущены только представители стороны обвинения (прокурор, следователь) но не участники со стороны защиты или заинтересованные лица. Более того, последние в ряде ситуаций вообще не могут и не должны знать о рассмотрении соответствующего ходатайства следователя (например, в случае рассмотрения ходатайства о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров или ходатайства о производстве обыска, наложения ареста на почтово-телеграфные отправления и т.п.). Полагаю возможным согласиться в данной ситуации с Н.Н. Ковтуном [5. С. 39] в том, что в этих и подобных случаях имеется не явный, а потенциальный конфликт между участниками. В то же время такая потенциальная возможность конфликта, существующая в условиях, когда лицо не знает о том, что судом рассматривается вопрос об ограничении его конституционных прав и свобод, и не имеет возможности высказать аргументы, свидетельствующие в его пользу, далеко не равнозначно наличию правового спора между сторонами такого конфликта.

В рассматриваемой ситуации суд выполняет функцию, отличную от его роли в состязательном судопроизводстве, предполагающей существование в процессе двух противоположных сторон, обладающих равными возможностями по отстаиванию своей позиции и возлагающей на суд обязанности арбитра, уполномоченного разрешить спор, но не принимать на себя задачу по отстаиванию интересов одной из сторон. В случае же, когда суд решает вопрос о возможности дачи разрешения на производство следственного действия или принятия решения, ограничивающего конституционные права и свободы человека, отсутствует субъект, противостоящий стороне обвинения, испрашивающей согласие суда. В этом случае обязанность учесть все заслуживающие внимания обстоятельства, интересы лица, права которого необходимо ограничить по мнению стороны обвинения, с необходимостью возлагаются на суд. Судебные органы как и в случае осуществления судебного разбирательства в состязательной форме действуют в целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина, однако конкретный способ реализации этой цели, находящий выражение в непосредственных задачах, направленности деятельности суда в ходе ее решения, коренным образом отличается от того способа и направленности деятельности суда, которые установлены для решения правового спора.

С учетом изложенного представляется верной точка зрения тех авторов, которые подчеркивают существенный характер различий между деятельностью суда по жалобам на незаконные, необоснованные решения органов расследования или прокурора, по решению вопроса о

возможности избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу или домашнего ареста, либо продления срока содержания под стражей, и его деятельность. В других случаях осуществления судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса [7. С. 20–21].

Автор полагает также возможным частично согласиться с точкой зрения тех ученых, которые рассматривают судебный контроль в качестве самостоятельной формы реализации судебной власти наравне с правосудием [8–10]. Частично, так как в одних случаях осуществления судебного контроля он по существу совпадает с осуществлением правосудия, является разновидностью, способом осуществления правосудия, т.е. деятельностью суда по разрешению правового спора, осуществляемой на началах состязательности (рассмотрение жалоб на действия, решения органа предварительного расследования, прокурора), в других же случаях (например, при даче разрешения на контроль и запись телефонных или иных переговоров или при рассмотрении законности обыска, проведенного без получения предварительного судебного разрешения) деятельность суда является формой осуществления судебной власти, отличной от правосудия. Данное понятие правосудия сформулировано автором с учетом позиции Ю.К. Якимовича, И.Я. Фойницкого и др. авторов, а так же на основе практики толкования Европейским судом по правам человека положений ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод [11–13].

Следует также упомянуть, что автор при этом не связывает жестко наличие или отсутствие правового спора в конкретном случае с возможностью (невозможностью) отнесения процедуры его рассмотрения к понятию правосудия. Правосудием могут считаться любые формы реализации судебной власти, предусматривающие потенциальную возможность наличия спора о праве, если (важно!) в них заложен состязательный порядок разрешения такого спора. Так, в конкретном случае обвиняемый и его защитник могут относиться безразлично к избранию в качестве меры пресечения заключение под стражу или к продлению срока содержания под стражей либо, например, даже активно поддерживать решение об избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста. В тоже время сторона обвинения может стать инициатором отмены меры пресечения в виде заключения под стражу или соглашаться с возможностью ее отмены (изменения), если в ней отпала необходимость. Все это, тем не менее, не исключает отнесения производства по рассмотрению соответствующих вопросов к числу производств по осуществлению правосудия, так как предусмотренный законом порядок (процедура) позволяет заинтересованным лицам довести до суда свою позицию и/или свои аргументы, если соответствующее желание у них появится.

Если функцию суда при разрешении уголовного дела в условиях действия состязательного начала именуют обычно функцией разрешения спора по существу или функцией осуществления правосудия, то функция (основная направленность деятельности) суда при осуществлении им форм судебного контроля, не являющихся способами осуществления правосудия, должна носить иное название, поскольку, как мы уже показали, она существенно отличается по своему внутреннему содержанию, наполнению от направленности действия суда

при разрешении уголовного дела или рассмотрении жалобы на действия следователя. Поскольку в данной ситуации суд должен обеспечивать защиту прав лица, не имеющего возможности самостоятельно высказать аргументы, свидетельствующие в его пользу, суд в данном случае должен занять положение не беспристрастного арбитра, но активного защитника его законных интересов. Полагаем, что в данной ситуации деятельность суда может быть определена как направленная на реализацию правообеспечительной функции. О понятии правообеспечительной функции см. [14, 15].

Еще один вопрос, относительно которого хотелось бы высказать свое мнение, касается правовой природы производств, направленных на реализацию судебного контроля на досудебных стадиях процесса. Автор уже высказывал ранее свою точку зрения относительно смешанного положения производства по рассмотрению судом жалоб на арест или продление срока содержания под стражей [1, 16, 17]. В этих работах обращалось внимание, в частности, на то, что задачей данного производства являлось разрешение спора, возникшего между лицами, наделенными властными полномочиями (следователем, прокурором), с одной стороны и гражданином, который считает свои права нарушенными решением данных лиц, с другой. В его ходе должен был решаться вопрос о том, не превысили ли данные лица своих полномочий (то есть, было ли принятое ими решение законным и обоснованным). С другой стороны, обосновывала необходимость разрешения данного спора уголовно-процессуальными средствами, подчеркивалось то обстоятельство, что он рассматривается на основе положений уголовно-процессуального закона, что позволяет сделать вывод о том, что это – особое уголовно-процессуальное производство. В настоящий момент к этим рассуждениям хочется добавить указание еще на

одно обстоятельство, уже отмеченное другими авторами [2. С. 21–23; 5. С. 81–82; 18], а именно: предметом производств по осуществлению судебного контроля всегда являются конституционные права и свободы человека (мы не считаем возможным согласиться с позицией тех авторов, которые полагают, что в порядке, предусмотренном УПК РФ для рассмотрения и разрешения жалоб на действия органов предварительного расследования, прокурора, должны рассматриваться не только жалобы, связанные с возможным нарушением конституционных прав и свобод лиц в ходе досудебных стадий уголовного процесса, но и жалобы участников уголовного судопроизводства на нарушение других их прав [7. С. 28–29; 19; 20].

С учетом изложенного, не повторяя аргументов, высказанных автором ранее, а также форм судебного контроля, предусмотренных УПК РФ, полагаем, что:

1) материально-правовой базой всех производств по осуществлению судебного контроля за действиями, решениями органов предварительного расследования, прокурора на досудебных стадиях процесса являются нормы Конституции РФ, предусматривающие права и свободы человека (и возможности их ограничения в ходе уголовного судопроизводства).

2) важность этих прав и свобод, необходимость быстрого и эффективного реагирования на их нарушение, диктуют необходимость применения для защиты этих прав и свобод в ряде случаев порядка, используемого уголовно-процессуальным законом, поэтому размещение этих производств в УПК РФ вполне допустимо и рационально.

С учетом этого все формы судебного контроля за действиями, решениями органов предварительного расследования, прокурора на досудебных стадиях процесса являются особыми уголовно-процессуальными производствами, то есть производствами, не направленными на установление, изменение уголовно-правового отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса. Издание 2-е, дополненное и исправленное. Томск. Изд-во ТГУ, 2001. С. 70–74
2. Солодилов А.В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России. Томск. ТУСУР, 2000. С. 19–42.
3. Халиулин А. Судебный контроль и прокурорский надзор за законностью расследования: границы и возможности // Уголовное право. 2000. № 8. С. 22.
4. Лазарева В.А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара, 2000. С. 37–58.
5. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Нижний Новгород. Нижегородская правовая академия, 2002
6. Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: реальность, перспективы // Государство и право. 1998. № 11. С. 31–39.
7. Чеожемов З.Т. Роль суда в обеспечении прав и свобод граждан на досудебном производстве по УПК РФ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
8. Масленникова Л.Н. Судебный контроль за законностью процессуальной деятельности органа дознания и предварительного следствия. М., 1994. С. 6.
9. Цихотский А.В., Черненко А.К. Судебная власть в условиях действия новой Конституции Российской Федерации. Новосибирск, 1885. С. 152.
10. Шейфер С.А., Яблоков В.А. Понятие судебной власти и ее функции // Проблемы судебно-правовой реформы в России: история и современность. Сб. трудов. Самара, 1999. С. 198.
11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб.: Альфа, 1996. С. 8–9.
12. Якимович Ю.К. Понятие правосудия и принципы его определения // Избранные статьи (1985–1996). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. С. 25.
13. Решения ЕСПЧ «Дельта против Франции», «Видал против Бельгии», «Луди против Швейцарии» // Европейский судебный вестник. М., 2001. С. 20–24.
14. Юркевич Н.А. Реализация правообеспечительной функции в стадии предания обвиняемого суду. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. С. 12–43.
15. Мартынич Е.Г., Радков В.П., Юрченко В.Е. Охрана прав и законных интересов личности в судопроизводстве. Кишинев: Штиинца, 1981. С. 34.
16. Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. С. 88–90.
17. Трубникова Т.В. Виды особых производств в уголовном процессе России // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 6. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. С. 133–138.
18. Свиридов М.К. Соотношение функций разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Вып. 7. Томск: Изд-во ТГУ, 2001, С. 3–6.
19. Базаутдинов Ф. Состояние и перспективы судебного контроля // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 24–26.
20. Демидов И.Ф. Проблема прав человека в Российском уголовном процессе (Концептуальные положения). М., 1996. С. 75–79.

Статья представлена кафедрой уголовного процесса Юридического института Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Юридические науки» 25 апреля 2003 г.